

Толстая С. А. Мои записи разные для справок // Толстая С.А. Дневники : в 2 т. М. : Худож. лит., 1978. Т. 1 : 1862–1900.

Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1984. Т. 9. Анна Каренина. Части пятая – восьмая. С. 7–417.

Толстой Л. Н. Анна Каренина. Черновые редакции и варианты // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Худож. лит., 1939. Т. 20. С. 3–570.

Толстой Л. Н. Письмо А.А. Толстой. Между 8 и 12 марта 1876 г. // Л. Н. Толстой и А. А. Толстая. Переписка (1857 – 1903). М. : Наука, 2011. С. 329.

Толстой С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» : Из воспоминаний // Литературное наследство. М. : Изд-во АН СССР, 1939. Т. 37–38. Л. Н. Толстой. С. 566–590.

Храпченко М. Б. Лев Толстой как художник // Храпченко М. Б. Собр. соч. : в 4 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 2. С. 168–228.

Чехов А. П. Из письма А.С. Суворину, 24 февраля 1893 г. // Л.Н. Толстой в русской критике : Сб. ст. М. : Худож. лит., 1952. С. 609.

Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: Семидесятые годы. Л. : Сов. писатель, 1960.

Эйхенбаум Б. М. Пушкин и Толстой // Эйхенбаум Б. О прозе : сб. ст. Л. : Худож. лит., 1969. С. 167–184.

УДК 821.161.1-311.2(Цветаева М.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444

Е.Я. Джаббарова

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)*

АПОЛОГИЯ УЧИТЕЛЯ

(НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ М. ЦВЕТАЕВОЙ «КЕДР»)

Аннотация. В работе рассматривается статья Марины Цветаевой «Кедр», написанная автором в 1923 году, в эмиграции. Исчезновение былого мира влечет за собой необходимость искать наставника. Вследствие чего в прозе М. Цветаевой периода эмиграции

возникает особый феномен «апологии учителя», в роли которого выступает Сергей Волконский. Показано, как выстраиваются особые параллели имен собственных и необходимость артикуляции социального положения. Отдельно анализируются образы дерева и учителя (садовника), олицетворяющие собой вечное и доступное лишь поэту пространство. Разговор о современнике становится способом выражения собственных художественных постулатов.

Ключевые слова: апология, проза поэта, литературное творчество, русские поэтессы.

В 1923 году, будучи в эмиграции, в Праге, Цветаева пишет статью «Кедр», посвященную новой книге С. Волконского «Родина». О значении Волконского для Цветаевой и об обстоятельствах создания статьи пишет А. Саакянц: «Начало 1923 года было осенено для Цветаевой Сергеем Михайловичем Волконским. Только что вышла его книга “Родина” – та самая, которую весной 1921 года Цветаева для него самоотверженно переписывала набело. Теперь весь январь она работала над статьей о “Родине”, которую назвала “Кедр. Апология”. Волконский для Цветаевой – не просто автор близкой ее сердцу книги. Он – Вергилий, поводырь в удушливом лабиринте жизни, в угнетающем ее быте, высвободитель, “катализатор” духовности» [Саакянц 1997: 334].

«В “Кедре” Цветаева вводит в ткань статьи свою биографическую тему. Здесь продолжены в форме публичного высказывания размышления, заполнявшие недавно записные книжки и рабочие тетради Цветаевой: “Кедр” стал рассказом о тех переменах в собственном мироощущении, которые она связывала со своей встречей с Волконским» [Шевеленко 2002: 200], – пишет И. Шевеленко. Исследователь отмечает и осуждение, с которым критика встретила «Кедр», которая преимущественно касалась чрезмерных сравнений Волконского с Гёте. Те же нападки рассмотрены и А. Саакянц, которая, однако, отмечает их беспочвенность и безосновательность.

Статья в данном случае, по определению самой Цветаевой, выступает как «апология», слово «апология» возникло от древнегреческого ἀπολογία – оправдание и обозначает сочинение, текст или речь, основная задача которого

защитить другого. Следовательно, предполагается, что объект апологии подвергается нападкам. Показательно, что защищая Волконского, Цветаева часто защищает и Гёте: «Директорство кн. Волконского не слабость, равно как и тайное соперничество Гёте – не страсть к титулам (что можно взять у первого и прибавить ко второму!), в обоих случаях трудная, ответственная человеческая привязанность: Волконского к отцу, Гёте к другу и сподвижнику молодости» [Цветаева 1997: 256]. Примечательно и то, что обращения к самому Волконскому крайне лаконичны и соответствуют заявленному жанру литературной статьи, вероятно, это связано с учительской функцией Волконского, априори наделенного особым правом и авторитетом, и потому чрезмерная эмоциональность в обозначениях не требуется Цветаевой: «Итак, кн. Волконского я смело могу назвать – *учителем* (здесь и далее выделено нами – *Е.Д.*) жизни» [Там же: 264]; «Мы подходим к основному руслу кн. Волконского, к той деятельности, к которой он был рожден, к замыслу всей его жизни: *Учительству*» [Там же: 259]. В то же время Цветаева крайне эмоциональна, поскольку в статье есть легко считываемое сравнение Волконского не только с Гете, но и с Христом. Основными обозначениями к Волконскому становятся «Волконский», кн. Волконский» и «автор» (что крайне непривычно для прозы поэта). Указание на социальный статус «князь» необходимо Цветаевой, прежде всего, потому, что позволяет подчеркнуть не только возвращенное семьей и средой благородство Волконского, но и его особенную «человечность», красоту натуры: «Мое же русское и человеческое сердце, пока будет биться, не устанет радоваться этому простому чуду: человеку – вне века, князю вне княжества, человеку – без оговорок: че – ло – ве – ку» [Цветаева 1997: 266]. Тот факт, что Волконский «князь» по натуре своей делает это обозначение особенно значимым для Цветаевой, об этом упоминает и исследователь А. Саакянц: «Эта высота, благородство, аристократизм духа ее старшего друга были для Марины Ивановны большой опорой, – как в Москве, так и на чужбине» [Саакянц 1997: 336].

С этим благородством и аристократизмом связано и название статьи, смысл которого Цветаева поясняет сама: «Я назвала свою статью Кедр: дерево из высоких высокое, из прямых прямое, двойное воплощение Севера и Юга (кедр ливанский и кедр сибирский), дерево редкое в средней России. Двойная сущность Волконского: северное сияние духа – и латинский его (материнский) жест. И – двойная судьба его, двойной рок, тяготеющий над родом Волконских: Сибирь – и Рим! (Тяготеющий и над внуком декабриста, ибо – четыре года в Сов<етской> России, – чем не Сибирь?)» [Цветаева 1997: 270]. Такое подробное объяснение для Цветаевой, в том числе, способ выражения своего восхищения, поэт творит свой миф о другом, свой миф об учителе. Вот и здесь кедровая шишка от кедра, о которой упоминает Волконский, становится поводом к творению целого особого мифологического видения, притом видения сугубо цветаевского.

Создается ощущение, что Цветаева защищает не только С. Волконского и его книгу, но и собственные представления о писателе, о себе и о творце в целом, так, к примеру, она пишет: «*Мое* (здесь и далее выделено нами – *Е.Д.*) сокровенное, душу и уста *мне* жгущее желание – это, чтобы вы поняли, что у большого ничего не возьмешь, что не поведомственны руке человека нерукотворные крепости и недоказуемые угоды Духа, что здесь ничто не возьмет: ни декрет, ни штык» [Цветаева 1997: 260].

Цветаева использует несколько способов выражения своего отношения, один из которых – использование имен собственных, точнее: конструирование парадигм, параллелей между писателями. Поэт неслучайно упоминает Аксакова, Гоголя, Чехова, Гёте: «Для Аксакова дуб – скорей отец, дед, символ прошлого, для Волконского – дитя – рост – благословенный завтрашний день!» [Там же: 261]; «Русская речь Волконского – соковищница. Такое блаженство я испытывала, только читая в 1921 г. “Семейную Хронику” Аксакова. Это не гробокопательство, не воскрешение в XX в. допотопных останков, не витрина музея, где к каждому предмету – тысяча и одно примечание, – это живая, живучая и

певучая русская молвь, такая, как она поет еще в далеких деревнях и в памятливых сердцах поэтов» [Там же: 269]; «Когда я думаю о Боге первых дней, я неуклонно думаю о Гёте последних. Когда я думаю о Гёте последних, я неуклонно думаю о кн. Волконском» [Цветаева 1997: 263]; «“Дали недвижны, – отсюда спокойствие высот”. – Не знай я, что это сказано Волконским, я бы непременно назвала Гёте» [Там же: 264]. Цветаева неслучайно ставит рядом или противопоставляет тех или иных авторов, в некоторой степени она создает собственную парадигму, так, к примеру, Цветаева лишь вскользь упоминает Тютчева, хотя и признает его статус как «... одного из настольных поэтов Волконского» [Там же: 260].

Цветаева часто обращается непосредственно к тексту самого Волконского, тем самым подчеркивая его исключительность, она намеренно сокращает собственный текст и подкрепляет его чужим, тем самым она не подвергает никакому сомнению талант и одаренность своего наставника. С этой же целью Цветаева называет себя читателем, ситуация крайне редкая для ее прозы, зачастую с категорией «читатель» всегда соседствовал «поэт», но именно при разговоре о Волконском Цветаева словно намерено ограничивает себя: «Каким же чудом я, читатель, из всех этих других вывела только одно: *его* (выделено автором)? Простое и чудесное чудо: личность, то, чего не скроешь даже в приходно-расходной книжке!» [Там же: 263]. Вместо привычной парадигмы: «я» – «другой», где я – автор, сам поэт, возникает третье звено – читатель, нужный Марине Цветаевой для того, чтобы сместить акцент с восприятия собственного текста, на книгу и образ Волконского.

Особое внимание уделяется созвучиям и звуковому, фонетическому устройству текста Волконского. Подобное внимание к звучанию и фонетическому облику слова не случайно, как пишут Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель: «Речетворчество М. Цветаевой основано, согласно нашей концепции, на стремлении добраться “до глубины, до самой сути” явлений с помощью *метафорических* и *фонетических* (выделено авторами) уподоблений, как бы укорененных в самом языке. По Цветаевой, именно эти “орудийные приемы”

способны преодолеть “разорванность” бытия, показать глубинную связь всего со всем» [Кихней, Меркель 2012: 105]. Так, у Цветаевой читаем: «О, Волконский великий мастер созвучия!» [Цветаева 1997: 268]; «Сами слова стонут, зывают. Вот она, здравому смыслу неподсудная, в победоносности своей бесспорная – Магия слова (заклинания, причитания, заговоры, плачи)!» [Там же]; «Ритмика Волконского мне дорога, потому что она природна. В ней – если кто-нибудь и побывал, то только, вероятно, один – Бог!» [Там же]. Магическое начало в поэзии и языке является для Цветаевой особенным, а фонетическая составляющая художественного произведения всегда была для М. Цветаевой основополагающей.

Обратимся к ключевым мотивам и образам, появляющимся в тексте. В отличие от большинства филологических трактатов Цветаевой местоименные парадигмы, как и личные местоимения, не превалируют в тексте. Даже личное местоимение «я», зачастую являющееся ключевым, в статье о Волконском почти вторично, прежде всего, это объясняется тем, что именно образность чужого текста становится для Цветаевой способом личного высказывания. Именно Волконский повлиял не только на лирику поэта, но и на философские, онтологические законы устройства текста и в целом понимания мира, поэт подсознательно находился в поисках наставника, которым и стал Сергей Волконский: «Дружба с Волконским, несомненно, повлияла на лирику Цветаевой» [Саакянц 1997: 249]; «Суждения Волконского о горизонтали и вертикали как о категориях философских, пусть и неоригинальные, взятые из вторых и даже третьих рук, были, без сомнения, дороги Цветаевой и, возможно, даже совместно с нею “рождены”...» [Саакянц 1997: 482].

Ключевыми образами при разговоре о Волконском становятся образы дерева и учителя: «Итак, книга “Родина” – древо высочайшей человечности. Корень – рост – вершина, все налицо, – и какое цветение!» [Цветаева 1997: 247]; «Учитель – прежде всего садовник. И как прав, как зорек к себе Волконский, с его – отродясь – нелюбовью к хозяйству и страстью к дереву» [Там же: 261]. В особенности, отметим сцену в саду, разворачивающуюся во времена революции,

Волконский старательно подстригает кусты и на вопрос рабочего-солдата отвечает: «И для кого вы трудитесь? Ведь смотреть жалко. Сами ведь уж не увидите» [Там же: 263]. Волконский отвечает: «После меня уже не стричь, а рубить будут» [Там же]. Это сцена становится для Цветаевой крайне значимой, во-первых, именно она позволяет ей вновь дать характеристику другому: «Жест взращивания у него в *руке* (выделено автором)» [Там же:]. Во-вторых, благодаря этой сцене Цветаева подводит читателя к авторской интерпретации того, кто есть Учитель (садовник). По сути своей – главная задача всех филологических трактатов: «Творческий инстинкт перед разверстой ямой, – вот оно, бессмертье! Скрип садовых ножниц Волконского, вот он ответ на стук топоров!» [Там же].

Статью «Кедр» можно отнести к жанру апологии по ряду причин, прежде всего в силу особых приемов и структур, характерных М. Цветаевой. Так, сознательные параллели между Волконским и Гёте лишь подчеркивают, что поэт защищает не конкретного человека, а поэта, гения в целом. Указание на социальное сословие, как и любое другое упоминание материального и предметного мира, выводит нас в духовный, мифологический пласт, сознательно конструируемый поэтом. Появление особых образов и мотивов, составляющих неотъемлемую часть цветаевского мифотворчества: возникают образы дерева, учителя как садовника, олицетворяющие собой то небесное, вечное пространство, к пониманию которого может приблизиться лишь поэт, становится важным разговор о современнике как способ высказать собственные художественные постулаты сквозь такие категории, как «поэт» и «читатель». Кроме того, реализуются такие приемы цветаевской апологии как: конструирование именных парадигм, сознательное дистанцирование Цветаевой и приравнивание себя к читателю, отсутствие частотного употребления местоимений «я» / «мой», обильное цитирование чужого текста.

Литература

Кихней Л. Г., Меркель Е. В. Поэт и язык: к вопросу о поэтологических стратегиях О. Мандельштама и М. Цветаевой // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 3. С. 103–106.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра: Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО ; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010.

Саакянц А. Жизнь Цветаевой. Бессмертная птица-феникс. «Бессмертные имена». М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002.

Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М. : Эллис Лак, 1997.

Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. Кн. 1 : Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М. : ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997.

Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М. : Новое литературное обозрение, 2002.